УДК 028.6:026/027(47+57)

Терешин В. И.

РУКОВОДСТВО ЧТЕНИЕМ ИЛИ БИБЛИОТЕЧНАЯ ПЕДАГОГИКА?

Размышления автора о причинах негативных явлений многолетнего применения в библиотеках так называемого принципа руководства чтением, о путях их устранения.

В условиях перестройки социально-экономической жизни в стране, развития демократии и гласности возникает потребность в пересмотре многих ранее казавшихся незыблемыми положений в области библиотечного дела. В таком пересмотре нуждаются и методологические основы библиотечной работы. Сегодня их определяет так называемая система руководства чтением — целенаправленного волевого влияния, воздействия библиотекарей (и библиотек) на читателей.

Руководству чтением посвящено огромное число публикаций с первых лет Советской власти до настоящего времени. В наиболее полном и общем виде сущность и этапы развития руководства чтением изложены профессором А. Н. Ванеевым [1—3] и некоторыми другими авторами [4, 5]. Была предпринята попытка разработать научную теорию руководства чтением, обобщить сложившиеся методы активного воздействия библиотек на абонентов. Сегодня в библиотековедении нет практически ни одной публикации, где бы не встречался термин «руководство чтением». Он вошел в определение основной концепции высшего и среднего библиотечно-библиографического образования, в содержание методической работы центральных библиотек, стал рассматриваться не только как средство усиления интенсивности и повышения качества чтения, но и как показатель эффективности деятельности библиотеки и каждого библиотекаря.

И вместе с тем в последнее время все активнее стало проявляться критическое отношение к руководству чтением. При этом если одни высказываются против самого термина «руководство чтением» [6, 7], то другие ставят вопрос шире — отрицают руководство чтением как явление, процесс, как метод библиотечной работы [8].

Отрицание пока осуществляется робко, с оглядкой на традиции, с опаской потерять необходимую активность. Так, Ю. П. Мелентьева отмечает, что термин «руководство чтением» представляется несовершенным, так как не отражает активной роли самого читателя. Вывод напрашивается один: найти такой термин, который бы отражал эту активную роль. Однако далее Ю. П. Мелентьева замечает, что в библиотеках для юношества педагогический аспект сильнее, и для этой категории читателей правомерно применение термина «руководство чтением» [7]. Другими словами, активная роль читателей-юношей может быть игнорирована. А. Н. Ванеев ставит вопрос о замене термина «руководство чтением» термином «управление чтением» [6]. При этом, как справедливо заметил М. Д. Афанасьев, управление чтением он понимает как традиционные направления деятельности библиотеки, не меняя их по существу, а потому вопрос о терминах остается нерешенным [9].

Более последовательную позицию заняла Г. П. Туюкина, которая отрицает руководство чтением в целом, даже в работе с детьми, предлагая взамен педагогику сотрудничества библиотеки с юными читателями [8]. Ю. П. Мелентьева также говорит о педагогическом аспекте, но связывает его с руководством чтением, не подозревая, что в рамках руководства чтением педагогика объективно оказывается педагогикой навязывания и ограничений.

В целом же критика термина «руководство чтением» (без раскрытия сущности самого термина) вызвана неудовлетворенностью практикой. Между тем, если вдуматься в этимологию термина, то оказывается, что он означает «рукой водить», т. е. приложить руку к такому тонкому делу, как чтение. По существу руководство чтением в конечном счете сводится к рукоприкладству к чтению. Термин возник в начале века, в 1920-х гг. получил развитие и был актуален в первые годы Советской власти, так как вводил революционную диктатуру в чтении. Как справедливо отмечает М. Д. Афанасьев, в прошлом «для нового читателя, стремящегося быстро освоить духовные богатства, которые выработало человечество, библиотекарь был одним из тех людей, которые знают, как это сделать. Вот почему он был готов принять руководство, даже если оно носило иногда «распорядительный» характер» [9, с. 25]. Ныне в условиях изменений в области культуры и образования руководство чтением воспринимается как анахронизм.

Сущность термина четко передает направленность библиотечной работы: руководство чтением объективно оказывается формой авторитарного влияния на абонентов библиотеки, а потому и не случайно вызывает негативное отношение к нему и библиотекарей, и читателей. Даже при попытках придания руководству чтением лучших целевых установок (коммунистическое воспитание читателей, их всестороннее развитие и др.) оно срабатывает противоположно этим целевым установкам. При этом часто отрицательные последствия руководства чтением (навязывание книг для чтения и т. п.) отдельные библиотековеды старались объяснить искривлениями, неправильным применением руководства чтением, издержками библиотечной работы, не подозревая (или не желая думать), что эти негативные явления заложены в самой природе руководства чтением как метода насилия над чтением, применяемом в наших библиотеках в массовом порядке.

Попробуем разобраться в природных, естественных проявлениях руководства чтением.

Сложилось несколько видов руководства чтением. Во-первых, оно понимается в широком и узком смысле. В широком — это активная наступательная деятельность библиотеки, охватывающая все технологические процессы библиотечной работы в комплексе. В узком смысле — влияние библиотекаря, реализуемое при его общении с абонентом. Главными методами такого общения становятся беседа, списки литературы, планы чтения, составленные библиотекарем, и др.

Во-вторых, руководство чтением определяется, с одной стороны, как непосредственное или явное, не скрываемое от абонентов влияние на них, а с другой — как опосредованное, заочное воздействие, внешне скрытое от абонентов, но тем не менее существующее в активных формах.

Во всех случаях библиотека (библиотекарь) выступает в качестве субъектов воздействия, руководителей чтения, а абоненты — в качестве объектов их влияния, исполнителей. Хотим мы этого или нет, но именно такая однолинейность и формируется в системе «библиотека (библиотекарь) — абонент», переходя в систему «руководитель чтением — исполнитель». Если же абонент перестает быть предметом руководящего влияния библиотекаря (библиотеки), то, естественно, пропадает и сам эффект руководства чтением. Иными словами, в конечном итоге при руководстве чтением в библиотеках создается командная система по отношению к читателям, система, которая вступает в противоречие с главным назначением библиотеки — организацией чтения на добровольных началах, на интересе.

Именно этот итоговый эффект приводил в прошлом к тому, что отдельные позиции и положения руководства чтением критиковались, а в ряде случаев оно вообще отрицалось как несостоятельный элемент библиотечного дела [1, 17]. При этом, если критические замечания по отношению к отдельным положениям руководства чтением воспринимались его сторонниками более-менее терпимо, а иногда и приветствовались, ибо они, не отрицая руководства чтением в принципе, способствовали его совершенствованию, то отрицание руководства чтением в целом воспринималось как ересь, нечто несовместимое с социалистической идеологией советской библиотеки и характерное для библиотек буржуазного общества.

Создавалась любопытная ситуация: вмешиваться в чтение, регулировать его, разрешать или запрещать читать те или иные книги — это советская, социалистическая теория, а не вмешиваться в чтение, давать абоненту возможность свободно выбирать для чтения любую книгу — буржуазная теория, правда, утверждалось, что у буржуазных библиотековедов теория, мол, противоречит практике, на деле, мол, буржуазия регулирует чтение народа в своих интересах. Отсюда в советском библиотековедении ведущей является мысль о том, что вообще не может быть свободного выбора читателями книг, что в любом обществе господствующий класс всегда будет подчинять себе, своим интересам подбор книг. Да, это так, но важно как, какими методами это делать — методами руководства чтением, голого принуждения, или иными, демократическими методами. И дело не только в практике, но и в теоретической концепции, в той системе взглядов, которая дает определенный общий метод деятельности библиотек в их взаимоотношениях с абонентами. Почему же волевое вмешательство в чтение, провозглашенное советскими библиотековедами — это социализм, а невмешательство в чтение, провозглашенное буржуазными библиотековедами — это капитализм? Почему не наоборот, ведь именно социализм является обществом свободных людей, создает условия для всестороннего развития, воспитания самостоятельной активной личности. В конце концов, нам следовало провозгласить свободу, невмешательство в чтение как цель, к которой стремится социалистическое общество, постепенно преодолевая навязанную ему необходимость на первом послереволюционном этапе определенным образом регулировать чтение. Такое преодоление могло быть (и, кстати, было) вызвано успехами социалисти-

ческого строительства в экономике и культуре, а также изменениями в международных отношениях, потребностями мирного сосуществования.

Принцип постепенного преодоления жесткого регулирования чтения в массовом порядке и должен был составить суть деятельности наших библиотек в процессе социалистического строительства. Однако этого не произошло. В полном соответствии со сталинским тезисом о возрастании классовой борьбы усиливалось (а не ослаблялось) руководство чтением, приобретя к настоящему времени гипертрофированные формы. Любые требования библиотечной общественности в 1970—1980 гг. свести на нет руководство чтением в библиотеке или ослабить его принимались профессиональной печатью в штыки. В результате система руководства чтением в условиях социалистического общества была подвергнута всемерному расширению, разбуханию, а в конечном итоге — превращению в командно-бюрократическое явление, которое стало тормозом дальнейшего развития библиотечного дела в стране.

Кстати, отрицательный эффект стал проявляться уже в первое время массового применения руководства чтением, в 1920—1930 гг. Именно тогда появились первые попытки его ограничения. Отмечалось, что руководство чтением в библиотеках необходимо, но оно не является всеобщим, распространяется лишь на малоподготовленных читателей, высокообразованный человек в нем не нуждается. Эту мысль тогда четко выразила Н. К. Крупская [10]. Однако и это ограничение в руководстве чтением не было принято. Руководство чтением возводилось в общий принцип деятельности любой библиотеки в работе со всеми группами читателей при осуществлении всех социальных и технологических функций и процессов в библиотеке.

По существу, приходя в библиотеку, которая работает в режиме руководства чтением, читатель попадает в особую зону влияния библиотекаря, хозяина положения, призванного «активно воздействовать» и «руководить». Это приводит к насильственному навязыванию принудительного ассортимента книг, к давлению на читателей, что вызывает их недовольство. Вот, например, как определяется система руководства чтением в учебнике для библиотечных вузов: библиотекарь (руководитель чтением) «рекомендует определенные списки, определенным образом показывает литературу, определенным образом подбирает эту литературу... Но важно, чтобы это руководство не превратилось в нечто такое навязчивое, что отталкивает читателя» [2, с. 70]. Автор не замечает, что в этой фразе — противоречие, потому что определенным образом составленные списки, подобранные книги и т. д. и есть ограничение, «навязывание», что как раз и отталкивает читателя. Многочисленные инструкции по библиотечному делу обязывали (и сегодня обязывают) библиотекаря достичь определенных цифр выдачи книг, бороться за план. Не даст библиотекарь этих цифр — не руководит чтением своих абонентов, работает плохо. Практика влияния, навязывания и т. п. стала обычным явлением, она вызывает протест читателей, отлучает их от библиотек. Особенно сильно это «воздействие» проявляется сегодня: там, где действовало «руководство чтением», процветают приписки, выводящие библиотекарей в передовые ряды руководителей чтением, особенно в массовых библиотеках.

Засилье, давление способом «руководства чтением» сложилось от издательств до библиотек. Ф. Кривин, например, показал, что у нас до перестройки в издательском деле выпускалось много литературы, в основе своей никому не нужной. «Если книжку после этого невозможно будет продать, так ведь у нас столько библиотек, среди которых ее можно будет распространить в принудительном порядке. Жаль, что в принудительном порядке нельзя будет заставить ее читать». Ничего, заключает автор, читатели «научатся» читать, ибо «нельзя идти на поводу у читателей. Надо читателя вести на поводу. На поводке. Покороче» [11]. Это злая сатира, но она очень точно характеризует то сложившееся у нас волевое давление библиотеки, которое она оказывает на чтение своих абонентов в рамках «руководства чтением».

Это давление проявляется не только в «продвижении» книг, но и в обратном — в ограничении чтения, в запретах на отдельные книги по принципу «эти книги читать абоненту можно, эти — нельзя». «Библиотекарь — читаем мы в учебнике для библиотечных вузов, — выполняет и должен выполнять не все без исключения запросы читателей» [2, с. 68]. Такова официальная установка. А что выполнять, что нет — это решает сам библиотекарь или вышестоящие органы. Отсюда в массовом порядке осуществляются чистки библиотек, создание в крупных библиотеках спецхранов, т. е. массивов запрещенных, арестованных книг, тщательный отбор документов в фонды библиотек, отбраковка тех, которые не должны попасть к читателю. В результате библиотеки — самые гласные информационные учреждения страны — становятся закрытыми. Провозглашенный ими лозунг всестороннего развития читателей превращается в свою противоположность.

Почему же читателю библиотеки дают не

все, что опубликовано и что он запрашивает? Из-за недоверия к читателю: а вдруг в результате чтения книги абонент переродится из социалиста, коммуниста в реакционера или вообще в плохого человека.

Как проявление заботы библиотек о развитии свободы выбора читателями книг и протеста против запретов в чтении в первые годы Советской власти в библиотеках был введен открытый доступ к книжным фондам, но в годы культа личности ликвидирован. Открытый доступ действовал в библиотеках практически всех развитых стран мира, и только в стране, строящей социализм, господствовала кафедральная система обслуживания читателей, которая, по мысли наших библиотековедов, давала якобы наибольшую возможность для реализации руководства чтением. И лишь в 1950-е гг. в условиях преодоления культа личности открытый доступ был восстановлен в массовых библиотеках. Однако политика запрета умело применялась и здесь путем подбора для открытого доступа только тех книг, которые можно читать абоненту (остальные либо не приобретались, либо изолировались от читателей).

Сегодня в условиях перестройки против политики запретов в информации выступают ученые и специалисты. Работник ЦК КПСС В. Легостаев пишет в «Правде» о необходимости ликвидации «запретительного синдрома». Он «проявляется в попытках руководить процессами, происходящими прежде всего в духовной сфере общества преимущественно методами контроля или селективного просеивания продуктов культуры через сито черно-белого контраста: верно — неверно, наше — не наше, нужно народу — не нужно народу». Такой подход, по мнению В. Легостаева, подрывает у людей, у партии «собственную способность к серьезному марксистскому анализу произведений литературы, искусства, философии, политической экономии, других отраслей гуманитарного знания» [12].

Еще более четко эта позиция выражена в редакционной статье журнала «Коммунист»: «Всегда находились и находятся люди, готовые определить для других, какие знания полезны, в какой пропорции, а какие вообще ни к чему, какие книги стоит читать, а к каким лучше не прикасаться, какие песни петь, какую музыку играть... И если массы не слушаются их, то как тут не заключить, что с массами происходит что-то нехорошее, словно кто-то порчу наслал» [13].

В условиях перестройки, гласности, открытости существенно изменяется доступ советских людей к информации. В настоящее время активно проходит политизация всего нашего общества, каждого человека, а это существенно сказывается на дифференцированном восприятии человеком любой информации, идущей к нему. Начинает уходить в прошлое политика запретов на чтение, запрет сохраняется только на книги, пропагандирующие войну, человеконенавистничество, порнографические и тому подобные издания, хотя для научных исследований они не являются запретными.

Руководство чтением имеет и еще одно негативное следствие: оно ведет к формированию послушных, удобных, управляемых людей, нивелирует, стандартизирует личность, лишает инициативы. Это чтение запрограммированное, осуществляется в определенных рамках (планы чтения, процеженная «рекомендательная» информация и т. д.). В любом случае при руководстве чтением человек только объект управления. Он активен в тех рамках, которые создает для него библиотекарь, библиограф или стоящая за ними инстанция. Чем больше указаний, ограничений, навязываний, тем меньше инициативы, самостоятельности у читателя. Не этими ли рамками в конечном итоге формируется та интеллектуальная ограниченность и бездуховность, которыми ныне страдает определенная часть наших сограждан? А ведь мировой опыт утверждает, что реальное могущество страны измеряется ее интеллектуальными ресурсами.

Заметим, что далеко не все библиотекари применяли методы «руководства чтением». Многие чувствовали, к каким отрицательным последствиям оно ведет, отнимая у читателей инициативу, вызывая у них осторожное, а часто и негативное отношение к библиотекарям за навязчивую активность. Нередко такая навязчивость вызывала у читателей жалость к библиотекарю, которому надо выполнять план книговыдачи, и они брали домой две-три лишние, ненужные книги для «статистики». Вместе с тем обнаруживалось, что чем выше уровень общего или профессионального образования абонентов библиотек, тем нетерпимее они относятся к «целенаправленному» воздействию библиотекаря, сопротивляются ему, стремясь к самостоятельному поиску информации, к свободе выбора книг и других информационных материалов.

Что же сегодня должно прийти на смену библиотечному руководству чтением?

Сотрудничество библиотеки (библиотекаря) и абонента. Сотрудничество на равных без притязаний библиотеки на руководство читателем, без навязывания книг и запретов в чтении. Сотрудничество на уровне величайшей общей культуры. Основной принцип пользования библиотекой — свобода выбора книг и документов в полном соответствии с

духовными потребностями и интересами абонентов.

Иными словами, на смену руководству чтением должно прийти сотрудничество читателя и библиотекаря как главный путь решения проблем воспитания, образования, информирования абонента в библиотеке, а в конечном итоге — формирование такого читателя, который бы умел самостоятельно отбирать книги, документы, заниматься самовоспитанием, самообразованием в системе непрерывного общего и профессионального образования.

К сожалению, этому мы читателей в библиотеках сегодня не учим, потому не случайно большинство читателей беспомощно перед «гималаями» книг. В условиях социалистической демократии вместо бюрократической системы руководства чтением со стороны библиотеки необходимо научить читателей самостоятельно ориентироваться в информационном потоке. Не тот настоящий читатель, которого ведут, а тот, кто ведет себя сам в книжном мире, и библиотека только помогает ему осуществить процесс ориентации и поиска. Именно на это должно быть направлено библиотечно-библиографическое обучение в вузах, техникумах, школах.

Превращение абонента библиотеки из объекта библиотечного воздействия в субъекта требует изменения роли библиотекаря, выполняющего в новых условиях функцию организатора, советчика и помощника читателя в самостоятельном выборе. Это положение, высказанное нами еще в 1972 г. [14], было подвергнуто критике авторами учебника для библиотечных вузов за «недооценку функции управления процессом чтения со стороны библиотеки», за то, что якобы «удовлетворение запросов читателей рассматривается как пассивное обслуживание» [2, с. 68]. Не учитывалось, что самостоятельная читательская деятельность абонентов является высшей формой их активности в библиотеке. Авторы учебника, противореча своей же критике, утверждают, что «особое значение для руководства чтением имеет принцип самостоятельности читателей, т. е. создание таких условий, которые позволяют читателю самому выбирать направление и систему чтения, формировать свои читательские интересы» [2, с. 70]. Но, во-первых, этот принцип не рассматривается ими как основополагающий в работе библиотеки, а лишь имеет «особое значение» в системе руководства чтением; во-вторых, применять его в рамках руководства чтением нельзя, ибо он (хотят этого авторы или нет) выходит за его пределы, разрушает «руководство».

Возникает вопрос: а может ли исчезнуть руководство чтением в широком смысле, коль оно объективно проявляется в каждом технологическом процессе, а именно закладывается в состав фонда (что библиотека приобретает, то абонент и будет читать), в организацию фонда (что библиотекарь выставит на первое место, на то читатель и обратит основное внимание), беседу библиотекаря с читателем и т. п. Иными словами, навязывание «нужных» и отбраковка «ненужных» книг будет идти и дальше. Субъективный фактор (мнение библиотекаря) будет и впредь определять направление чтения.

Да, это так, если библиотека останется исключительно в руках одного библиотекаря — руководителя чтением, превращающего всех абонентов в исполнителей своей воли в области чтения. Но сущность библиотеки в другом. В предложенной Ю. Н. Столяровым структуре библиотеки ее на равных формируют и библиотекари, и абоненты [15]. Именно абоненты (наряду с библиотекарями) — истинные хозяева библиотеки, повторяем, она — самое демократическое информационное учреждение, а потому управление ею должно строиться на основе широкого участия коллектива абонентов.

Сегодня в новых условиях необходимо возродить лучшие традиции демократизации библиотек. Необходимо, чтобы отбор документов в библиотеку осуществлялся с участием читателей, под их строгим контролем. Следует каждого абонента рассматривать не только как активного читателя, но и потенциального активиста библиотеки, развивать систему взаимной информации о книгах, привлекать к организации литературных дискуссий, диспутов, обмену мнениями, к живому общению друг с другом, сотрудничеству, взаимопомощи.

Заметим, что подобные дискуссионные формы должны стать основными в библиотечной практике, полезен диалог между библиотекарем и абонентом, основанный на взаимном доверии. Нужны постоянные поиски путей полного, многоаспектного раскрытия содержания библиотечного фонда, расширение открытого доступа к нему.

Демократическим принципам противоречит так называемое приоритетное обслуживание абонентов, когда на внеочередное, преобладающее, усиленное, улучшенное и т. п. обслуживание берутся отдельные группы читателей, естественно, в ущерб остальным. Мы должны рассматривать данную систему как педагогически несостоятельную, вызывающую у массы читателей недовольство, а у читателей, взятых на приоритетное обслуживание — чувство превосходства, исключительности. Смысл дифференцированного подхода в библиотечном деле не в том, чтобы брать отдельные группы абонентов на особое обслуживание,

а в том, чтобы ко всем читателям подойти с равным вниманием и полным учетом их особенностей и строить работу в зависимости от этих особенностей.

В обновленной библиотеке на смену руководству чтением должна прийти библиотечная педагогика сотрудничества, именно библиотечная, а не просто «педагогика сотрудничества», как предлагает Г. П. Туюкина [8]. Библиотечная педагогика стала формироваться еще в начале XX века благодаря трудам таких библиотековедов, как А. А. Покровский, Д. А. Балика, В. А. Невский, И. М. Цареградский и других. Обобщая их разработки, А. Н. Ванеев писал, что «библиотека имеет самостоятельную педагогическую функцию и что этой функцией является руководство чтением» [1, с. 18—19]. По существу это отождествление библиотечной педагогики с руководством чтением стало основным, а потому, коль скоро руководство чтением было выделено в качестве самостоятельной методологической основы библиотечного дела, библиотечная педагогика как особое направление в библиотечном деле не развивалась. Некоторые ее принципы и методы (далеко не все) вошли в руководство чтением, обогатили его теорию и практику, трансформировались в специфических условиях, но в полной мере не прижились.

Можно сказать, что руководство чтением не способствовало развитию цельной теории и практики библиотечной педагогики, интегрирующей библиотековедение и педагогику в чтении и в работе библиотеки с абонентами. Основная функция руководства чтением стала чуждой педагогике вообще и библиотечной в частности, ибо она входит в командно-управленческую службу, требует административного вмешательства в чтение абонента, тогда как библиотечная педагогика находится в системе народного образования, воспитания и подразумевает иной подход к каждому читателю.

Основные требования к специалисту, занятому в педагогической деятельности, значительно сложнее, тоньше, многообразнее, а потому демократичнее для библиотеки и читателей. Правда, существует мнение, что якобы педагогические методы предполагают еще большее насилие над личностью, чем руководство чтением: в обучении, мол, наряду с методом убеждения активно действует метод принуждения (домашние задания, экзамены и т. п.). Такое положение некорректно, оно отождествляет библиотечную педагогику со школьной, тогда как библиотечная педагогика формируется на основе внешкольной педагогики, а внешкольная педагогика, как известно, строится не на обязательности, а на добровольности, не на насильственном влиянии одного на другого, а на взаимодействии. К тому же и школьная педагогика сегодня приобретает новые черты и качества, в основе которых глубокое уважение к учащимся и всемерное развитие их самостоятельности и творчества.

В последнее время активно вводится якобы нейтральный термин «обслуживание читателей», призванный заменить и руководство чтением, и библиотечную педагогику. Термином «обслуживание читателей» назван, в частности, курс в новом учебном плане 1988 г. для библиотечных вузов, он введен вместо прежнего курса «Работа с читателями». За термин «обслуживание читателей» активно выступал Ю. Н. Столяров. Справедливо критикуя руководство чтением, он предлагал характеризовать взаимоотношения библиотекаря и абонента как двухстороннее сотрудничество и называть его «процессом обслуживания читателей» [15, с. 120—126]. Не будем касаться всех аргументов за и против этого термина, выделим только главное: понятие «обслуживание» сводит по существу на нет процесс сотрудничества, ибо библиотекарь ставится в неравное положение с читателем, становится полностью зависим от него, превращается в слугу. По существу функция руководства в таком случае переходит к абоненту, педагогическая деятельность как таковая снимается или становится попутной. Мы же ставим цель сделать библиотечно-педагогическую деятельность первичной, основополагающей. Библиотечная педагогика — это педагогика сотрудничества, а не обслуживания, педагогика равенства общающихся в библиотеке.

Разработка проблем библиотечной педагогики как направления библиотечной деятельности и ее методологической основы в настоящее время получает все большее развитие [14, 16, 17]. По нашему мнению, именно библиотечная педагогика является той областью, где наиболее полно и корректно проявляются особенности принципа активности библиотечного дела. Библиотечная педагогика не исключает, а подразумевает библиотечное влияние, но влияние диалектичное, осуществляемое в трех направлениях. Первое. Влияние книги (документа) на читателя и библиотекаря в процессе чтения, восприятия информации; влияние читателя, библиотекаря на практику создания, издания и распространения документов. Второе. Влияние библиотекаря на читателя, читателя на библиотекаря в процессе общения, взаимодействия. Третье. Влияние читателя на читателя в процессе общения и обмена библиографической информацией, совместной работы в активе, библиотечном со-

вете и т. п. Естественно при этом, что библиотечная педагогика ассимилирует и отдельные ценные положения, сформировавшиеся в рамках руководства чтением: принцип дифференцированного подхода, учет данных по изучению читателей и факторов, влияющих на библиотеку и ее абонентов и т. п.

Библиотечная педагогика перспективна в условиях развивающихся автоматизированных библиотечных систем, которые сегодня имеют отношение только к крупным научным библиотекам, а завтра станут обычными в низовых и массовых [18]. Думается, именно автоматизация, возможность одновременного дистанционного доступа абонентов к фондам различных библиотек, многовариантный полный набор необходимых абонентам документов, производимый с помощью ЭВМ, и т. п. объективно исключит руководство чтением, а отношения читателей и библиотекарей будут все интенсивнее строиться на демократических основах.

И, наконец, предлагаемая нами перестройка библиотечной работы не противоречит, а исходит из тех тенденций, которые в настоящее время формируются в социальной сфере. Эти изменения влияют по существу на все библиотечные процессы. Нам необходимо преодолеть взгляд на библиотечную работу как на консервативную, сделать библиотеку динамичным, поистине народным информационным учреждением, отвечающим современным требованиям перестройки социалистического общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Ванеев А. Н.** Развитие библиотековедческой мысли в СССР.— М.: Книга, 1980.— С. 10—14, 34—43, 66—80, 110—114, 148—154.
2. **Работа** с читателями: Учебник для студентов библ. фак. и-тов культуры, пед. вузов и ун-тов.— 3-е перераб. изд.— М.: Книга, 1981.— С. 64—72.
3. **Ванеев А. Н.** Руководство чтением в библиотеке как комплексная проблема // Комплексный подход к руководству чтением и пропаганда литературы: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской.— Л., 1985.— С. 15—32.
4. **Фирсов В. Р.** Теория культуры и руководство чтением. Вопросы взаимодействия.— Там же.— С. 8—16.
5. **Терешин В. И.** Библиотека и руководство чтением // Сов. библиотековедение.— 1982.— № 5.— С. 54—63.
6. **Ванеев А. Н.** Воздействие на чтение в условиях библиотеки // Сов. библиотековедение.— 1986.— № 5. — С. 17—25.
7. **Мелентьева Ю. П.** Осмыслить цели руководства чтением юношества // Сов. библиотековедение.— 1989. — № 1.— С. 39—44.
8. **Туюкина Г. П.** Педагогика сотрудничества // Библиотекарь.— 1989.— № 3.— С. 44.
9. **Афанасьев М. Д.** «Руководство» или «управление»? // Сов. библиотековедение.— 1986.— № 5.— С. 25—28.
10. **Крупская Н. К.** О библиотечном деле: Собр. соч. В 6 т.— М.: Книга, 1983.— Т. 2.— С. 254—255.
11. **Кривин Ф.** Заметки о коммерческой литературе // Литературная газета.— 1988.— 4 мая.
12. **Легостаев В.** Интеллектуальное достоинство партии // Правда.— 1989.— 2, 3 мая.
13. **Старые** мифы, новые страхи // Коммунист.— 1988.— № 17.— С. 23.
14. **Терешин В. И.** О педагогических аспектах работы научно-технических библиотек // Науч. и техн. б-ки СССР.— 1972.— № 6.— С. 3—9.
15. **Столяров Ю. Н.** Библиотека. Структурно-функциональный подход.— М.: Книга, 1981.— 255 с.
16. **Айзенберг А. Я.** Углубление педагогической подготовки библиотечных кадров // Сов. библиотековедение.— 1986.— № 5.— С. 65—72.
17. **Терешин В. И.** Педагогические аспекты деятельности советских библиотек: Учеб. пособие / Моск. гос. ин-т культуры.— М., 1988.— 56 с.
18. **Проблемы** технического перевооружения библиотек: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской.— Л., 1983.— 147 с.